

Искусств. газ. — 1996. — 16 окт. — с. 8

Александр ШПАГИН

Такси-блюз по дороге в Россию

О фильмах Павла Лунгина

Кадр из "Линии жизни"

КАК ЖЕ мне тогда не понравился первый фильм Павла Лунгина "Такси-блюз"! В 90-м году все вокруг дышало презрением по отношению к нашему прошлому и презрением по отношению к настоящему. Я же всюду кричал о необходимости некоей национальной идеи и был обуреваем окологосударственными настроениями, догадываясь, как и все, что вскоре Союз развалится... посему "первая ласточка" нового киностиля — а стиль сей можно обозвать как "продажа Родины" — меня в восторг не привела. В "Такси-блюзе" я увидел матрешку-бомба с бутылкой и надписью "Russian map". Выставлять беды на экспорт? Не хорошо...

Но вскоре стиль разветвился, пророс и бурно расцвел. Продавать Родину на экспорт стало даже модно. Возникло целое течение, целая культура. Родина тем временем преспокойненько сама продавалась, и жить стало значительно лучше. И так, возникло явление, а с явлением зачем бороться? Его уже исследовать надо.

В кинематограф пришла череда "варягов". Они смотрят на Россию глазами иностранцев. И, действительно, прекрасно продают свое кино во всевозможных Европах. В то время, как другие мучительно ищут, как бы зацепиться на тамошнем рынке, какую бы позабористее тему отыскать, эти уже нашли. И, видимо, не очень-то и напрягались. Они от природы так устроены. У них иной взгляд, отстраненный.

Павел Лунгин, Сергей Бодров с фильмом "Я хотела увидеть ангелов" (Россия — Франция), Валерий Харченко с "Суперменом" и "Коротким дыханием любви", Андрон Кончаловский с "Ближним кругом" и "Куриной Рябой", Иван Дыховичный с "Музыкой для декабря"... Фильмы, заметьте, весьма разнятся по качеству. А стиль один — экспортный.

Так у нас не снимали никогда. Зато это очень напоминает американские триллеры "Красная жара" или "Парк Горького". Все знакомо — и ничего не узнаешь.

А вообще, это интересно, ей-богу! И загадочно. Перед тобой предстают вроде как русские, российские люди, но живут они в каком-то призрачном, вздрюченном мире. Море с иной ментальностью. Он немисливо напряжен и взвинчен, наподобие передачи "Дорожный патруль", в нем нет ни одного кадра, снятого "в простоте" — все обязательно с вывертом, с примесью этакое особого, манерного экспрессионизма, в нем все движется с немисливой для России скоростью. В этом мире отсутствует душевность — чувств здесь вообще нет, их заменяет тотальная истерика по поводу и без повода. Кажется, что героями уже все сказано, выплакано и спето, и нет смысла больше ничего скрывать и ни о чем жалеть и — как будто впереди могила — надо дожидать, допеть, доиграть, высказаться до конца, прожить эти оставшиеся мгновения на полную катушку, на пределе, на максимальной скорости...

И ведь что-то такое российское в этом все же есть. Что-то разбойничье, захватывающее, разудалое... Однако разбойники — это все же люди, тем и интересные, что выпадали из привычной нормы. Здесь же состояние истерической агонии есть норма.

Между прочим, у этого стиля есть и свои, абсолютно "неэкспортные" предтечи. Например, "Свой среди чужих, чужой среди своих" Н. Михалкова. А также (с некоторой натяжкой) "Агония" и "Иди и смотри" Климова. Но то были фильмы особого рода. Они открывали новое видение. Разрушали миф. По сравнению с ними все предыдущие советские картины на революционно-военные темы казались пионерской игрой в "Зарницу". В этих же сквозь бешеный ритм и запредельную экспрессию проступала трагедия всей советской истории. Они буквально взваливали на себя этот крест, это бремя и — разрывались под его гнетом. И из российского креста вылезал дьявол, который всегда там сидит, и погонял, погонял — всех: и авторов, и их героев. Миф разрушался, и создавался новый космос. В нем чувствовалось подлинное дыхание Ада. Бездны. Советской истории.

Человек не творил здесь Историю, а разрушался под ее гнетом.

А потом пришел Лунгин. И перенес

это состояние агонизирующей реальности в настоящее. И что получается? В тех лентах подобный духовный код разрушал Миф, здесь он этот Миф создает, точнее, он работает на него.

Состояние нервной вздрюченности не близко российской ментальности. Как только оно возникает и начинает все собою заполнять, подавляя и подчиняя себе частную жизнь, знай: русский человек вышел творить Историю. Будьте уверены: ничего хорошего в подобные мгновения не произойдет. Просто будет очень много крови. И никакого быта.

Но официальный миф утверждал: так и надо. Бороться и искать (врага), найти (врага) и не сдаваться. Сдался, попал в плен, сохранил свою жизнь — плохо, значит, выпал из процесса, значит, изгой. Лучше умереть. Тогда не будет больно за бесцельно прожитые годы.

Историю в рамках официального мифа было принято показывать в эпическом стиле, напоминающем песни Зыкиной. Интонация советских военно-революционных эпосов была спокойна и величава. Вот так, дескать, и надо жить на своей Родине, товарищи. Разрушать ее, но по-хозяйски.

Миф требовал полного слияния с собой и с Почвой — отстранившийся да усомнится. А режиссеры, вводящие в сей Великий Шаблон призывку иного духовного кода, как раз и создавали пространство отстранения. И почва уходила из-под ног их героев. Миф обнажал свою изнанку.

И — разрушался благодаря вторжению иной духовной ментальности, иного языка, будь то язык "спагетти-вестернов" ("Свой среди чужих, чужой среди своих"), феллиниевских карнавалов ("Интервенция", "Бумбараш") или уже полузабытый язык адских шедевров советского немого кино ("Агония").

И форма диктовала свои условия содержанию. И история оживала. А потом приходили другие, которым уже не требовалось столь резкое вхождение в пространство русско-советских катаклизмов. Но вспомните лучшие фильмы последних лет о революции и ее истоках — "Мать" Г. Панфилова, "Жизнь Клима Самгина" В. Титова — разве в их более спокойной и умудренной интонации не прозревается опыт тех, первых?

Но вот наступило Новое Время. И вместе с ним появился Павел Лунгин — режиссер, прививший западное сознание к постсоветскому кинематографу, художник, увидевший свою страну глазами западного человека.

Однако ощущение погруженности человека в историю в его фильмах не возникает. Состояние же безумного мира, сорвавшегося с катушек, бесспорно, присутствует. И если фабула "Такси-блюза" давала возможность любых стилевых интерпретаций, то уже герои "Луна-парка" неотделимы от фантазмагоричности того мира, в котором существуют.

Да вообще-то и в "Такси-блюзе" форма и содержание вполне друг другу соответствуют. Здесь ничто — ни герои, ни быт — не противостоит бешеному напору реальности, все несет, подчиняясь ее вихрю.

Собственно говоря, как и в жизни. Ведь сей "вихрь шумный" несет на нас отовсюду — из реклам, с экрана телевизора, со страниц прессы. Всей своей эстетикой он стремится подчинить нас. Да не очень-то мы поддаемся. Все равно русско-советский быт со всем его укладом продолжает быть сильнее — внутри себя самих мы живем медленнее, ленивее и медитативнее, чем нам самим же и кажется. Нас пытаются заставить жить быстрее, активнее, законнее, деловитее — да находят отпор в своих же собственных душах. Так исподволь происходит тайная война с сегодняшним Мифом, Мифом Новой Жизни.

...Так же, из последних сил сопротивлялись реальности те герои — из "Своего среди чужих", из "Агонии": взвинчивали себя до предела, а внутри жили усталость, тоска, боль... Тогда возникала короткая остановка посреди бешеной гонки. Герои Лунгина, может, тоже некоторую усталость испытывают, но на бегу, на бегу...

Лунгин уже в 90-м году начал петь осанну Мифу Новой Жизни и поет до сих пор. Его персонажи порою даже обгоняют течение ненормальной действительности. Все их поступки необдуманны, рискованны, опрометчивы. Злая сюжета засасывает их. В их глазах — пустота, как у марафонцев на дистанции. Но чаще всего нет и какой-либо цели. Герои "обгоняют" даже поставленную автором ключевую проблему (например, о взаимоотношениях русских и евреев). До проблемы ли, до героев ли, когда все вокруг подвержено магии самой среды — магии Нового Мифа!

...Хм, когда-то столь же парадоксальным образом улетаивались все конкретные житейские проблемы в фильмах Евгения Матвеева ("Судьба", "Особое задание"), а еще лучше Николая Москаленко ("Журавушка", "Русское поле") — основополагающим и затмевающим собою все и вся вокруг было состояние порыва, радость созидания счастливого советского общества. И это, надо сказать, действовало. Это смотрелось.

У Лунгина же никакого созидания нет. У него проблемы, заявленные в фильмах, двигались по ходу сюжета отдельно, герои столь же отдельно уносились в другом направлении. Слово листья, подхваченные ветром — без цели и направления. То на такси, то на аттракционах луна-парка. Сопереживать им как-то не хотелось, да и просто бороться с мыслями и чувствами было непросто — до того ли, когда столь затейлив антураж, когда столь быстра фабула!

Форма подчиняла себе все. Но она же здесь являлась и Мифом.

Полностью "оттнаться" карнавалом, однако, тоже не удавалось. Мешали, будь они неладны, заявленные в сюжете социальные смыслы. Они тянули в публицистику, тянули в Историю, тянули в реализм. Однако режиссер усиленно гнал этих "трех китов" вон, и тогда возникало ощущение, что все проблемы нужны здесь даже не в качестве некоей точки опоры и узнавания действительности. А просто для оживления.

Но это был Стиль. Стиль с большой буквы. Это был яркий интересный феномен — кинематограф Павла Лунгина.

Но вот появилась "Линия жизни" — картина о невероятных приключениях француза в России. Россия представлена как страна, с ног до головы опутанная мафией. Выбраться из ее лап невозможно. И герой начинает свою игру.

Это явно "заказной" фильм (на Западе всегда за милую душу дадут деньги на фильм о приключениях иностранца у нас или россиянина у них). Это чистой воды триллер. Нормальное жанровое кино.

И я думаю, что это, может, не самый значительный, но самый лучший фильм Павла Лунгина. Освободив свое кино от социальности, проблемности, злободневности и пр., режиссер тут наконец обретает свободное дыхание. Это честная игра. И все становится на свои места: и нервный ритм, и странные персонажи, и определенная надуманность сюжетных ходов. Тут не надо стараться кому-то сильно сопереживать и ждать катарсиса — не дожидаетесь. Сочувствие исключительно в рамках жанра, фантазмагорического триллера. А уж как на месте здесь это западное видение нашей реальности — ведь фильм-то о французе — и все правильно: мы смотрим на мир его глазами.

Но у фильма есть еще одно замечательное свойство. Он разрушает миф. Да-да, как ни странно!

Правда, миф сей не бог весть как велик, но все же! Это миф отечественной мафии. Мы привыкли изображать ее совершенно определенным способом, уже даже не шаблонным, а просто затверженным на зубок (иных не существовало): холодные скупые интонации, общенные сквозь зубы, твердокаменная выдержанность, взрывающаяся приступами ярости, кривые ухмылки, коварство, плотоядие и разврат. У Лунгина же мафиози — вполне живые люди. Им не чужды такие чувства, как растерянность, страх, любовь, доброта, честность, искренность и т. д. Это очень теплый мир — нет, иначе: горячий, влажный, липкий. Это замкнутая сфера со своей нравственностью, со своим кодексом чести. Однако любой герметизм порождает фантомов — они возникают как бы невзначай, поневоле, благодаря заданности ситуации — и рождается новая жестокость, новая кровь, и так до бесконечности. Но в глазах людей, несущих в мир подобное зло, — не жестокость, а боль, усталость, тоска... Что делать? Надо жить, надо выигрывать... Они не заложники большой истории, они заложники своей, маленькой истории, своей среды...

Взгляд на мир здесь опять интереснее самих перипетий. Получается какой-то авторский триллер, своей отстраненной интонацией ломающий все штампы нашего жанрового кино. После Лунгина уже как-то стыдно их повторять.

Просто мы-то раньше автоматически сдирали повадки тамошних "крестных отцов" и переносили их на нашу почву. А Лунгин поверил Шаблонным созданием. И оно, как и следовало ожидать, мгновенно обнаружило его несостоятельность. Война со Шаблоном и являясь здесь той точкой опоры, которой так явственно не хватало Лунгину в предыдущих лентах.

И, ей-богу, это неплохой результат. "Свой среди чужих..." тоже когда-то казался многим всего лишь истерном. А время рассудило иначе.